

25-летний гобоист Алексей Огринчук гораздо лучше известен в Париже и Лондоне, чем на своей родине. За последнюю пару недель кое-что все же поменялось: музыкант сначала выступил в качестве солиста в концерте Российского национального оркестра и прославленного французского дирижера Мишеля Плассона, затем в рамках Московского пасхального фестиваля — в камерной баховской программе. С Алексеем Огринчуком поговорила музыкальный обозреватель «Известий» Екатерина Бирюкова.

Когда ваше имя объявляли на концерте, после него сказали слово «Россия». По рождению — то вы, конечно, россиянин. Но кто вы по воспитанию — российский музыкант или французский?

Российский, безусловно. Я начинал здесь, здесь мои корни. Хотя я, конечно, очень много получил от Франции, проник в ее культуру, взял лучшее от одной из самых старинных гобойных школ.

Наша гобойная школа совсем не так слава. Чего ей не хватает?

В России тоже есть замечательные гобоисты, многого достигшие. На меня очень повлияли наши музыканты — бывший первый гобоист Петербургской филармонии Ханяфи Чинакаев, солист «Виртуозов Москвы» Алексей Уткин и, конечно, отец русской гобойной школы, мой профессор гнесинской десятилетки Иван Федорович Пущечников. Но Россия, действительно, признана в первую очередь как столица струнной и фортепианной школ. А определенные традиции духовых инструментов у нас отсутствуют. Во Франции для гобоя писали еще Люлли, Куперен и Рамо. Во Франции находится мануфактура этих инструментов, на которых играет весь мир. На юге Франции растет камыш, из которого мы точим наши трости.

К слову о тростях. Расскажите про них. Кажется, для гобоиста это что-то очень интимное.

Трость — это самая тонкая, самая нежная, самая нервная часть инструмента. Трости производятся из определенного вида камыша. Там многое зависит от погоды, от температуры и так далее. Для их изготовления необхо-

ГОБОИСТ АЛЕКСЕЙ ОГРИНЧУК:

Известия - 2004 - 21 апр. - с. 9

ЕСТЬ У ГОБОИСТА ТРОСТЬ — ЕСТЬ ЖИЗНЬ В СЕМЬЕ

дим огромное количество разнообразных машинок и приспособлений, о существовании которых я даже не подозревал, находясь в России. Так как у каждого гобоиста разная конституция, каждый должен уметь сделать трость для себя. Я могу, конечно, играть на трости своего профессора, но я буду себя чувствовать менее комфортно, чем на своей. Играть на гобое физически очень тяжело. Это огромные нагрузки, огромное давление. Исполняется достаточно много воздуха, работает вся диафрагма, при этом посыл воздуха должен быть очень сконцентрированным. Французы называют это «спагетти воздуха». И трость — это вечная проблема всех гобоистов мира. Говорят: «Есть у гобоиста трость — есть жизнь в семье, нет трости — нет жизни».

У вас успешная сольная карьера гобоиста. вы еще и в оркестре сидите? Я начинал, мне повезло.

канчиваю там пятый сезон и осознаю, насколько для меня это было важно — иметь возможность общаться с выдающимися дирижерами, с тем же Гергиевым, сэром Саймоном Рэттлом, Паппано, Нагано, и чувствовать себя частичкой целого, исполняя симфонии всех тех композиторов, которые ничего не написали для гобоя как для сольного инструмента.

Еще вы преподаете. Вы не слишком молодо выглядите для преподавателя?

Молодо, безусловно. Когда первый раз меня позвали дать мастер-класс в Королевской академии в Лондоне, я был шокирован этим предложением. Я понимал все возможные последствия и неловкости, которые могут возникнуть, учитывая, что большинство студентов были старше меня. Мне тогда было 22 или даже 21 год. Я советовался со своими французскими профессорами, насколько я

недель на 2—3 дня. Поскольку я не хочу большую часть времени посвящать педагогике, это для меня идеальный вариант.

Вы играете Баха на современном гобое. Это как-то сейчас не очень принято.

Да, я играю на современном гобое — на том, на котором играют примерно со второй половины XX века. Я очень люблю барочную музыку, я знаю, что исполнительство на барочных инструментах сейчас очень в моде. И есть потрясающие мастера в этом направлении. Но я противник каких-либо догм. Мне кажется, то сочетание, которое мы представили в рамках Пасхального фестиваля, — современный гобой с клавесином и барочным сопрано — это тоже возможно. Я против того, что барочные композиторы должны исполняться только на барочных инструментах.